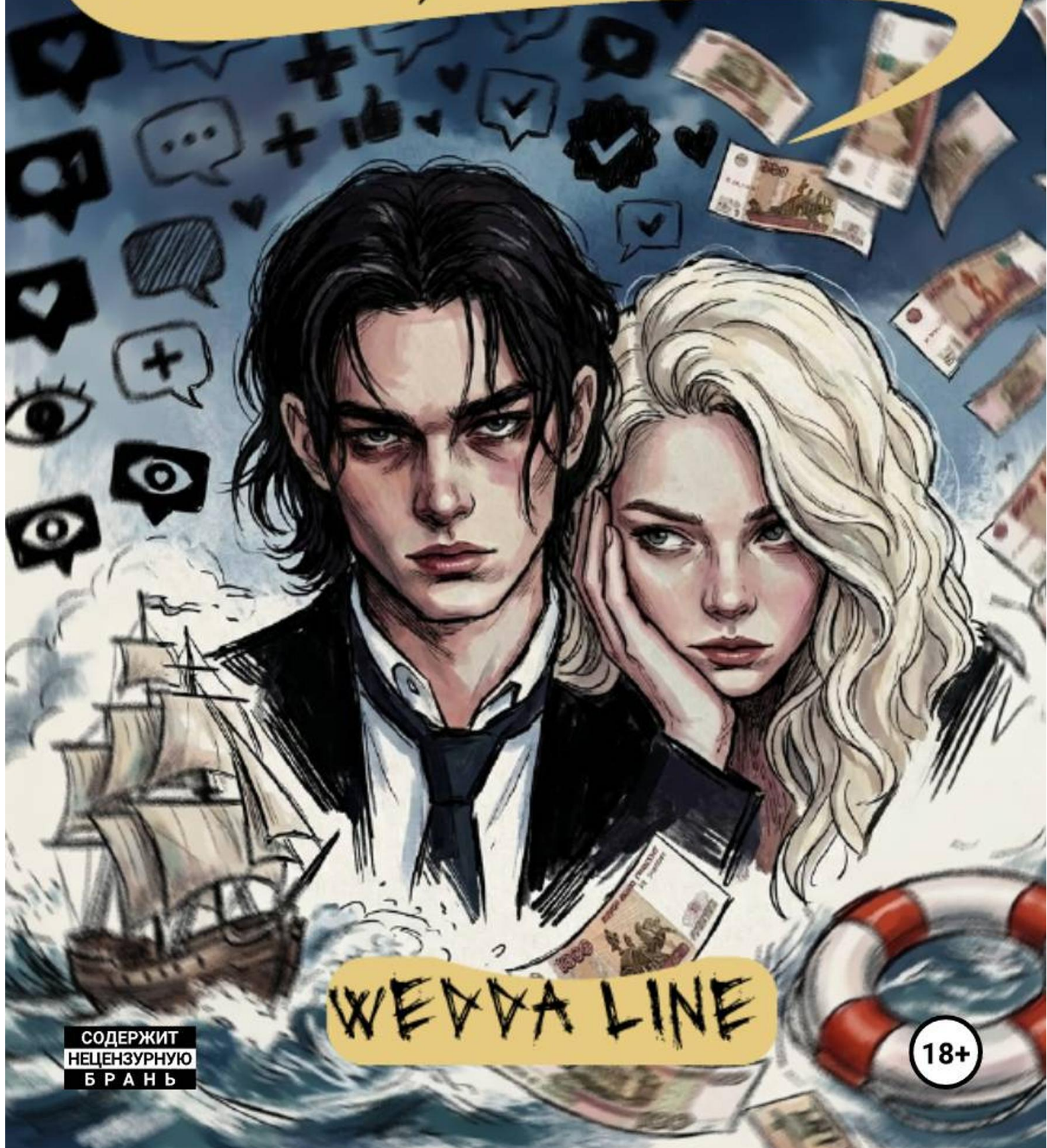

ВСЕ ГАСТА!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

WEDDA LINE

18+

Wedda Line

Всё, Баста!

«Автор»

2026

Line W.

Всё, Баста! / W. Line — «Автор», 2026

Я Себастьян Валевский, классический выродок «золотой молодёжи»: папины бабки, тщательно подобранное окружение и репутация, которую мне уничтожили в одну бездарную ночь. Теперь папочка ставит ультиматум: либо я соглашусь на брак, либо отправлюсь на передовую — отмывать позор фамилии собственной кровью. Мое имя Ефима Чайкина, блогер-миллионник и успешный инфлюенсер в Сети. Та, кто случайно растоптала эго мажора. Теперь он шантажирует, угрожая раскрыть реальный фасад моей личности — нищету, долги, мать-алкоголичку, память о гибели подруги и подпольный автосервис, где я втайне вкалываю механиком. Один тонущий парусник на двоих. Два враждующих искалеченных мира, запертых в эпицентре шторма. Где взаимная ярость — единственный спасательный круг. Если вы ищете острый нью-эдалт с описанием псих. травм, «от ненависти до любви», «слоуберн» — эта книга для вас. И для всех, кто когда-нибудь сыграл в ненависть и случайно выиграл любовь. Обложка сгенерирована с помощью нейросети папо-banana-2.

© Line W., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Wedda Line

Всё, Баста!

Глава 1

Ров: Себастьян Валёвский

Я совсем не помнил себя до семи лет. Кто-то вырезал из пленки моей памяти все сведения, оставив лишь одно устойчивое ощущение, что я в этом мире был лишним, «черной овцой», чужестранцем. Пока не увидел марину¹. Отец купил её на очередном закрытом аукционе скорее для того, чтобы отмыть деньги, чем для эстетики. Но я не мог отвести от нее глаз. На холсте рисовались бесконечная лазурь Средиземного моря, белые чайки и величественный трехмачтовый «Белем²», разрезающий водную гладь. Наконец я почувствовал себя собранным воедино, поскольку наконец отыскал свою родину, осознал, где мне самое место.

С той поры я заболел кораблями настолько сильно, что пока мои ровесники играли в «Съедобное-несъедобное» во дворе, я в тайне зубрил анатомию парусного строения. С легкостью уже мог отличить силуэты брига от баркентины и с закрытыми глазами воспроизводил обводы «Седова»³. Моя свобода, хрупкая и отчаянная, оказалась в картонных макетах и чертежах, хранимых под кроватью. Засыпая лишь под утро, я шептал слово «грот-марсель», будто заклинание, способное вызвать одноглазого Капитана Крюка, готового забрать меня в Нетландию. Я воображал, что однажды хотя бы один из моих бумажных исполинов сойдет с бумаги на настоящую, большую воду, где-нибудь в Кронштадте. И тогда я наконец встану у штурвала, прикажу поднять паруса и навсегда оставлю сушу за кормой.

Настоящего, живого моря, я, разумеется, никогда не видел. Отец дышал исключительно делами фирмы и репутацией семьи. Потому редкие семейные отпуска превращались в удушающий концлагерь. Будь то Швейцарский Санкт-Мориц, чопорный Баден-Баден или закрытые ранчо Аспена в Колорадо — все это было лишь выпендрежом высшего общества, созданный с единственной целью, чтобы Валевскому-старшему было чем козырнуть перед партнерами на деловых встречах. Для меня же пресловутый чистый разряженный воздух высокогорья и мертвая пресная гладь озера Комо, наводили смертельную тоску. Хуже всего были отцовские уроки выживания, когда на охотничьих угодьях он приучал нас к своей жестокой философии. Фраза «если не ты, так тебя» въелась в осеннюю опавшую листву вместе со свежей кровью убитого зверя. А я до дрожи в костях запомнил тяжелую ладонь отца на своем детском плече в тот момент, когда он заставлял смотреть в оптический прицел и давить на курок, отнимая жизнь у ни в чем не повинного оленя. Должно быть, он полагал, что закаляет волю преемника, ломая через колено остатки эмпатии. На самом же деле в те минуты я учился горячо его ненавидеть.

Я был трудным подростком в том самом, удобном для взрослых понимании слова. Хотя отец и приложил руку, дабы мое личное дело в академии выглядело безупречно, договориться с консервативным психологом ему в полной мере не удалось. По мнению Марины Генриховны, я был замкнутым, опечаленным ребенком, вечно витающим в облаках, до которого было сложно достучаться. Учеником, что не участвовал в обсуждении. Изгоем, что избегал других детей. Мое тело сидело за партой во время урока, а душа дрейфовала где-то за горизонтом. Я ждал лишь одного — окончания дня, когда можно будет снова оказаться среди своих флотилий, способных выдержать любые штормы. Единственным якорем, удерживающим меня в реальности, был отцовский ремень, который каждый раз убеждал меня приземляться. Запись Марины

Генриховны в графе сведений о здоровье и индивидуальных особенностях, гласившая, что у меня наблюдаются расстройства поведения, таки уцелела. Должен сказать, совершенно типичный диагноз для отпрыска состоятельных родителей.

К тому возрасту я уже усвоил несколько неприятных истин:

Во-первых, бьет сильнее тот, кто должен тебя защищать.

Во-вторых, выживание требует капитуляции, но цена — твоя свобода.

И в-третьих, у всего есть предел.

Если бы кто-то решил провести научный опыт с целью выяснить, сколько именно давления может выдержать человеческая психика, прежде чем сдетонировать, мир наверняка обрел бы рекордсмена. И имя его легло бы на страницу «Книги рекордов Гиннеса» между бородастой женщиной и человеком, проглотившим больше всего гвоздей. Да вот только я все равно выдержал больше него.

О моей тайной верфи я рассказал лишь одному человеку — моему старшему брату Виктору. Он обогнал меня всего на пять лет, но с пеленок казался настоящим взрослым, босомолокососом в деловом костюме. Виктор был пугающе безупречен во всем. Чаще всего я видел его высокую неестественно прямую худую спину или тяжелый надменный серый взгляд из-под полуприкрытых век. Однажды, будучи слишком наивным и отчаянно доверчивым ребенком, я задыхаясь от распиравшего меня восторга за руку привел Виктора к своему «причалу». Бережно, едва дыша, я тыкал пальцем в искусно выточенные рей, показывая тончайшие нити такелажа, сбивчиво шептал о необитаемом океане, поиске пиратских сокровищ. Я был убежден, что он разделит мою страсть и захочет вступить в мое выдуманное морское братство. Но Виктор, всегда скупой на эмоции, никак не отреагировал. Не произнес ни слова, он сухо кивнул перед тем, как выйти из комнаты.

А на следующее утро я проснулся, окруженный серым, удушливым смогом. Первым, что пробилось в сознание был сладковатый, химический привкус гари, от которого запершило в горле. Я открыл глаза, еще не понимая, что происходит, и наткнулся взглядом на зловещий силуэт отца. Он наклонился к камину, в глазах его полыхал пожар. С холодной методичностью палача он брал одну «бригантину» за другой и швырял их в прожорливо пламя. Я беспомощно смотрел, как огонь камина пожирает хрупкие мачты, как чернеют и сворачиваются в пепел паруса, унося с собой все мои прекрасные грёзы. Я хотел завопить что есть силы, но вместо крика из груди вырвался хриплый надрывный кашель. А затем, я понял, что не могу впустить в легкие воздух. Я почувствовал себя рыбой, выброшенной из моря. Голова поплыла, будто меня закрутило в карусели. А в глазах забегали рваные темные точки, которые сомкнулись в одну сплошную тьму. Тогда то и случился мой первый астматический приступ.

Очнулся я уже в салоне скорой помощи. Лицо стягивала кислородная маска, шумно подававшая воздух. Над головой суетилась медсестра. Она комментировала каждое свое действие, готовя шприц с эуфиллином. Без умолку причитал врач, о том, что болезнь эта чистой воды психосоматика. По его словам, больному, то есть мне, противопоказаны стрессы, волнения и любые тревоги.

Приступ оказался на редкость тяжелым. Если бы не вовремя подоспевшие медики, последствия могли быть необратимыми. Когда я наконец отошёл, врач прямо сказал:

— Теперь тебе нужно будет приспособиться жить с ингалятором и повсюду носить его с собой.

Дома отец усмехнулся, брезгливо окинув взглядом синюю пластиковую трубку в моих руках, и коротко плюнул: «Слабак».

Я не нашелся что ответить. Не стал спорить и доказывать, что главным источником удушья, перекрывшим весь кислород, был он сам. Зайдя в свою комнату, я увидел, что некогда заваленный солеными судами стол опустел. Посреди него одиноко лежал массивный учеб-

ник по макроэкономике для абитуриентов МБА. На мгновение передернувшись всем телом, я вдохнул ингалятор, сел на стул и открыл первую страницу.

«Живо прекратил скулеж, Себастьян. Не хватало, чтоб журналеры прочухали, насколько мой сын хлюпкий сосунок». Мне тогда было всего двенадцать лет. Маму только что опустили в сырую землю. Холодный дождь заливал мне глаза, смешиваясь с жгучими слезами. Отцу было плевать, что внутри меня не осталось ничего живого. Его волновали только заголовки в завтрашней утренней прессе. Когда траурная процессия завершилась, и мы сели в лимузин, меня прорвало. Захлебываясь от невыплаканного стоящего комом в горле горя, я судорожно глотал воздух, но легкие отказывались слушаться. Грудь сдавило, пальцы, дрожа от подступающей паники, нащупали в кармане оранжевый пластиковый флакон. Предыдущий был растоптан каблуком Виктора. Я обошел его на конном забеге благодаря адреналину, а он после забега в отместку лишил меня возможности дышать. Это был второй мой серьезный астматический приступ.

Я сорвал колпачок, до боли прижал мундштук к губам и сделал резкий, спасительный вдох. Лекарство обожгло горло, заставляя слизистую саднить. Едва дождавшись, пока дыхание со свистом вернется в норму, я повернулся лицом к старшему брату. Наткнувшись на его безучастное лицо и мучительно хрипло процедил:

— Неужели тебе вообще плевать, что мамы больше нет?!

Виктор не повернул ко мне головы, плавным движением поправил безукоризненный траурный галстук и бросил небрежно, поднимая взгляд на небо:

— «Её» уже не вернуть, Себастьян. А тебе пора научиться властвовать над своими эмоциями. Душить их, пока они не задушили тебя.

Спрятав оранжевый флакон обратно в карман блейзера, я отвернулся к окну. Смотря на проплывающие мимо верхушки хвойных деревьев, я последовал совету брата и постарался успокоиться, дабы не спровоцировать еще один приступ. Только ощущение, что я делю крышу не с семьей, а с расчетливыми стервятниками, с которыми нет права даже на скорбь, укоренилось в моем детском мозгу.

Мы могли бы стать союзниками. У нас были все шансы сплотиться против деспотизма отца, превратившись в надежный баркас друг для друга. Но Виктор рассудил иначе. Отказавшись от братских уз, он добровольно примерил на себя роль Каина, принявшегося убивать своего Авеля. Виктор стал моим личным надзирателем, изощренно третировавшим мою жизнь, следящим за каждым моим вдохом. Контролируя социальные сети, перебирая мое грязное белье, он обо всем докладывал отцу. Как истинная крыса. Он делал это потому что сам давно перестал быть нормальным человеком, превратившись в эхо отцовской воли, и не мог допустить, чтобы кто-то другой в этом доме осмелился свободно дышать.

Дрессировка принесла свои феноменальные плоды — из меня слепила образцового золотого мальчика, с прекрасным образованием, изысканным вкусом и светскими манерами, нужными связями и тщательно отобранным набором друзей с внушительными трастовыми фондами, все из списка Forbes «30 до 30». Нельзя не заметить, каким счастливым и гордым выглядел отец, когда получал отчеты о моей практике за границей. Он буквально хлопал в ладоши, читая восторженные отзывы иностранных кураторов. И в то же время я практически слышал скрип зубов Виктора. Брат уже не знал, что такого выдумать, что противопоставить моему успеху, лишь бы окончательно не потерять остатки отцовского внимания.

Старик Валеvский поставил все на младшее дитя, уподобившись съехавшему с катушек букмекеру. И какова же ирония судьбы. Вымуштровав меня финансовой математике, сам в итоге совершил идиотскую ошибку. В мире больших денег все знают: попытка вложить абсолютно все ресурсы в одно-единственное дело — это не стратегия, а мышление лудомана. Подавляющее большинство ставок — не более чем искусно упакованная замануха для недалевидных азартных игроков, которая в девяноста пяти процентах случаев приводит к полному

сливу. Оставшиеся пять процентов — просто везунчики, случайные дети фортуны. Но серьезный бизнес не строится на случайностях. А полагаться на чудо в высшей лиге — самоубийство. Несмотря на вложенные усилия, престижное образование, репетиторов по этикету, психологические обработки, ставка отца оказалась проигрышной. С грацией вышколенного породистого скакуна, я стал фаворитом, который прямо перед финишной чертой снес к чертям все трибуны.

У своего терпения свой финальный рубеж. Момент, когда предохранители плавятся от запредельного вольтажа, точка кипения, за которым человеческая природа швыряет к чертям собачьим любые правила и случается тектонический, сокрушительный бум.

Он случился и у меня.

«Мари́на»¹ (от лат. *marinus* — «морской») — жанр изобразительного искусства, предметом которого является море. Это морской пейзаж, который показывает бушующую или спокойную водную стихию, корабли, морские сражения или побережье. Художников, работающих в этом жанре, называют маринистами (самый известный пример — Иван Айвазовский).

«Белём»² (Belem) — реальный исторический корабль, легендарный французский трёхмачтовый барк, спущенный на воду в 1896 году. Является старейшим действующим парусником Европы и признан историческим памятником Франции.

«Обвóды «Седóва»³ — внешние очертания и изгибы стального корпуса «Седова», крупнейшего в мире четырехмачтового парусного корабля. В морской терминологии этот силуэт считается эталоном монументальной мощи, обтекаемости и элегантности на воде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.